

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN | Мария Николаевна ПРОРОКОВА / Maria PROROKOVA
| Минимализм и Барокко. Стратегии перекодирования сетевых субкультур / Minimalism and Baroque. Recoding Strategies of Network Subcultures |

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN

*Институт Научной Информации по Общественным Наукам Российской Академии Наук, Москва, Россия
Научный сотрудник*

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Science
Research Fellow
yottolk@gmail.com*

Мария Николаевна ПРОРОКОВА / Maria PROROKOVA

*Институт Философии Российской Академии Наук, Москва, Россия
Сектор аналитической антропологии
Младший научный сотрудник*

*Institute of Philosophy Russian Academy of Science, Moscow, Russia
Department of Analytic Anthropology
Junior Research Fellow
prorokova1040@list.ru*

**МИНИМАЛИЗМ И БАРОККО.
СТРАТЕГИИ ПЕРЕКОДИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ СУБКУЛЬТУР**

В статье рассматриваются две значимые тенденции развития современных сетевых субкультур, представляющие интерес для философско-антропологического анализа. Первая тенденция, условно обозначенная как «минимализм», нацелена на оптимизацию информационных потоков посредством целого ряда коммуникативных стратегий, таких как: культура осознанности, экономика внимания, практики медленной жизни. Вторая тенденция, в свете предложенной Мишелем Маффесоли концепцией человека постмодерна, условно обозначенная как «барокко», напротив, нацелена на фрактальное умножение информационных паттернов и связана с целым рядом коммуникативных стратегий, таких как: гибридизация ролей и идентичностей, игровые практики соучастия, сетевой номадизм. Обе указанные тенденции рассматриваются как стратегии перекодирования доминирующей сетевой культуры, характеризующейся постоянным увеличением скорости информационных потоков, стремительной технизацией и дегуманизацией межличностного общения, а также создаваемых ею практик контроля. В статье анализируется связь данных тенденций с классическими формами критики культуры потребления в ряде современных социально-критических концепций,

таких как энафизм, антиконсюмеризм, антикорпоративизм и культура медленной жизни. Исследуется генетическая взаимосвязь указанных тенденций с эстетикой повседневности и вестернизированными вариантами дзен-буддизма – с одной стороны (минимализм), и коммуникативными / эстетическими моделями передачи информации внутри современных субкультур, а также с современными тенденциями в искусстве – с другой (барокко).

Ключевые слова: минимализм, барокко, общество потребления, постмодерн, информационная культура, эстетика повседневности, антиконсюмеризм, культурный код.

**MINIMALISM AND BAROQUE.
RECODING STRATEGIES OF NETWORK
SUBCULTURES**

The article considers two significant trends in the development of modern digital subcultures within the framework of anthropological analysis. The first trend, conditionally designated as "minimalism," is aimed at optimizing data flows through several communication strategies, such as: practices of awareness, attention economics and slow living culture. The second trend, in the light of the human conception of

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN | Мария Николаевна ПРОПОКОВА / Maria PROROKOVA
 | Минимализм и Барокко. Стратегии перекодирования сетевых субкультур / Minimalism and Baroque. Recoding Strategies of Network Subcultures |

postmodernism proposed by Michel Maffesoli, conventionally designated as "baroque," is aimed at fractal multiplication of information patterns and is associated with a variety of communicative strategies, such as: hybridization of roles and identities, game participatory practices and network nomadism. Both trends are presented as diametric alternatives to the mainstream digital culture, characterized by a constant increase in the speed of data flows, rapid technicalization and dehumanization of interpersonal communication, as well as the control practices created by it. The article analyzes the connection of these trends with the classical forms of criticism of the consumption culture present-

ed in several modern social-critical concepts, such as enoughism, anti-consumerism, anti-corporate activism and a culture of slow living. The article considers the genetic interrelation of these trends with the aesthetics of everyday life and occidental versions of Zen Buddhism on the one hand (minimalism), with communicative and aesthetic models of assimilation and transfer of information within modern subcultures and modern trends in art – on the other (baroque).

Key words: minimalism, baroque, consumer society, postmodern, information culture, aesthetics of everyday life, anti-consumerism, cultural code.

Введение

«Все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости»¹ – эта знаменитая формулировка Маршала Маклюэна, согласно которой эволюция медиа сопровождается постоянным ростом скорости обмена информации и увеличением пропускных способностей каналов передачи данных, задает основной вектор современных исследований цифровых медиа. Описывая развитие медиа как серию эксплозивных взрывов, включающих в себя изобретение колеса, алфавитного письма, печатного станка, радио и телевидения, Маклюэн предвидит время, когда человечество научится использовать коммуникативную энергию этих взрывов: «В будущем единственные эффективные рычаги контроля над средствами коммуникации должны принять термостатическую форму количественного нормирования. Как сейчас мы пытаемся взять под контроль непредвиденные послед-

ствия атомной бомбы, так в один прекрасный день мы попытаемся взять под контроль и непредвиденные последствия средств коммуникации»².

Слово «контроль» в приведенной цитате – ключевое. Но каков характер этого «контроля»? Очевидно, речь идет о разработке технических средств, обеспечивающих надежный контроль над темпами и направлением взрывного развития средств коммуникации. Заметим, что существует очевидная корреляция между темпами развития цифровых медиа, находящихся в прямой зависимости от эволюции программного обеспечения (браузеры, приложения, поисковые системы и т.д.), и темпами развития вычислительных мощностей аппаратной части, описываемыми законом Мура. Даже тот факт, что универсальность закона Мура в последнее время оспаривается многими производителями электронного оборудования³, несколько не противоречит ма-

¹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 101–102.

² Там же. С. 349.

³ Waldrop M.M. The chips are down for Moore's law // Nature, February, 2016.

ключевых теорий контролируемого коммуникативного взрыва, а напротив – подводит под нее сугубо технические основания.

Большинство современных теоретиков медиа следуют в русле маклюэновской линии эксплозивного наращивания скоростей обмена и пропускной способности. Так, например, американский исследователь современной культуры Генри Дженкинс в качестве ключевой концепции своей теории использует понятие «трансмедийного сторителлинга», означающее постепенное замещение традиционных способов линейного художественного повествования, использующих ресурсы одного типа медиа, новыми стратегиями медиа франшиз, разворачивающихся одновременно на множестве различных медиаплатформ, предполагающих уход от линейных сюжетов и законченных форм нарратива в сторону увеличения сложности конечного медиапродукта и, соответственно, – уровня технической компетентности потребителей. В конечном счете, Дженкинс предсказывает появление в недалеком будущем особой культуры потребления информации, которую исследователь называет «конвергентной культурой»⁴. Доминирование технологического аспекта в этой теории не вызывает сомнения.

Другой крупный медиатеоретик Мануэль Деланда, описывая логику эволюции «машинного филума», выделяет отчетливую тенденцию, состоящую в последовательном вытеснении человека как субъекта производства и источника контроля над производственными процессами в пользу автоматов и машин. Де-

ланда замечает, что даже последние достижения в области развития искусственного интеллекта связаны отнюдь не с антропологизацией машины, а напротив – со способностью проектировщиков мыслить в машинной логике, например, отказаться от единого программного центра управления: «...для создания программ, больше напоминающих человека, контроль над процессом должен быть не у главной программы, а у самих данных, с которыми она работает. Можно считать, что «разум» робота состоит из базы данных, в которых внешний мир представляется благодаря «сенсорам», отражающим изменения в этом мире, — короче говоря, миграция контроля от программ к данным позволяет внешним событиям запускать внутренние процессы»⁵. Таким образом, повсеместное распространение слабых версий Искусственного Интеллекта (программы распознавания лиц, сервисы машинного перевода, электронные синтезаторы речи, самообучающиеся средства навигации и пр.) содержит в себе скрытую иронию: то, что изначально задумывалось как глобальный проект антропоморфизации машины, на деле оказывается многоуровневой операцией по механизации человека.

Последовательный и вполне сознательный уход от антропоцентризма в пользу техноцентризма является общим местом современной медиатеории. Постгуманистический пафос свойственен как для работ радикальных феминисток, вроде знаменитого «Манифеста киборгов» Донны Харауэй⁶, так и для сочине-

URL: <https://www.nature.com/news/the-chips-are-down-for-moore-s-law-1.19338>

⁴ Jenkins, H. *Convergence Culture Where Old and New Media Collide*. New York, 2006. P. 129.

⁵ Деланда, М. *Война в эпоху разумных машин*. М., Екатеринбург, 2014. С. 228.

⁶ Haraway, D. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist. Feminism in the Late Twentieth*

ний представителей пост-делезиянизма, в частности, социолога Бруно Латура, сознательно уходящего в своей теории от классической субъект-объектной оппозиции в пользу безличных акторно-сетевых структур. Расхожая характеристика современной эпохи как момента перехода к пост-человечеству, которому сопутствует «переоценка всех ценностей» и тотальный пересмотр классического образа человека, является своеобразным мейнстримом современной медиа теории.

Впрочем, технологическому мейнстриму всегда сопутствовали разного рода оппозиционные течения. Если на этапе первых промышленных революций речь шла скорее о консервативных социально-политических движениях (движение луддитов XIX в. и неолуддитов конца XX в.), то примерно в нулевых годах XXI наметилось масштабное и вполне осознанное противопоставление мейнстриму в рамках самой цифровой культуры. Возникшие на благодатной почве новых коммуникационных технологий, эти критические течения, в то же время, противостоят технологическому мейнстриму, осуществляя перекодирование существующих культурных практик, господствующих в современной медиа среде.

В этой работе мы не ставим перед собой цели подробно осветить все существующие варианты стратегий культурного перекодирования, ограничимся описанием лишь двух полярных тенденций. Условно обозначим эти тенденции как «минимализм» и «барокко». Принятые обозначения довольно условны: речь идет не о сложившихся нормативных и ценностных системах, сформировавшихся в тех или иных социальных группах, а скорее о

локальных движениях, сложившихся на периферии массовой культуры. Представление данных тенденций в терминах, традиционно применяемых к направлениям в искусстве, связано с особенностью нашего подхода, в котором этические аспекты культурного перекодирования неразрывно связаны с эстетическими формами его выражения.

Указанная произвольность в выборе стратегий не распространяется на чисто операциональное их толкование, в котором минимализм и барокко представляются двумя симметричными процедурами культурного перекодирования: минималистической оптимизацией и барочным фрактальным умножением. Заметим, что несмотря на видимую контрастность и даже противоположность указанных процедур, минимализм и барокко как культурные стратегии вовсе не исключают друг друга: присущая им энергия отрицания направлена, в первую очередь, на культурный мейнстрим – для них он является основной идеологической мишенью и главным объектом критики. Между собой же они находятся в состоянии негласного союзничества.

Минимализм

Минимализм как этическая позиция во многом является продолжением одноименного направления в американском искусстве, возникшего в 60-е годы XX в. и объединившего представителей различных областей художественного творчества – дизайнеров, архитекторов, музыкантов, фотографов и художников. Несмотря на видимое отсутствие прямой линии преемственности между ведущими представителями арт-минимализма (Д. Джадд, С. Левитт, Р. Моррис) и минимализма этического (Л. Бабаута, К. Райт, Дж. Миллбурн,

Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York, 1991. Pp.149–181.

Р. Никодемус), последний можно рассматривать как осовремененную версию первого, утратившую авангардный дух художественного элитаризма, но обогатившую свои дискурсивные практики различными формами социальной критики и существенно обновившую технический инструментарий за счет использования новых медиа.

Заметим, что этический минимализм отнюдь не является идейно однородным течением: скорее речь идет о сообществе единомышленников, объединенных общим стремлением к оптимизации повседневной действительности и выстраивающих конкретные практики упрощения на разных основаниях. Отсутствие единой программы преобразования, универсальной системы ценностей и сколь-нибудь выверенной системы понятий чрезвычайно роднит минималистов с представителями так называемого «движения медленной жизни» (slow movement), возникшего в рамках противопоставления европейской традиционной культуры питания и американской культуры «fast food». Данное движение, подобно минимализму, является сетевым конгломератом лидеров мнения и различных тематических ресурсов, вроде журнала Kinfolk (kinfolk.com), объединенных скорее по стилистическому, нежели идейному принципу. Немногочисленные «программные произведения» обоих течений, вроде книг «Жизнь без суеты» Карла Онопере⁷ и «The Power of Less» Лео Бабауты⁸, не содержат какой-либо законченной теории,

принадлежа к популярному формату практических руководств «на все случаи жизни».

Продолжая эстетическую линию преемственности, следует также отметить сильное влияние на минимализм японской культуры. Как и в японской эстетике, в минимализме сфера эстетического не ограничивается искусством, включая в себя различные регистры повседневности – начиная с дизайна интерьера и заканчивая культурой питания. В японской эстетике повседневности, как и в минималистской эстетике, нет строгого разделения между двумя этими сферами: обыденная жизнь может быть формой искусства, а искусство в свою очередь не чуждается обыденной жизни.

Ещё одно заимствование заключается в смешении сфер этического и эстетического. Об этой тенденции, характерной для японской культуры, говорит американский исследователь эстетики повседневности Юрико Сайто. По мнению Сайто, во многих традиционных японских практиках повседневности, вроде садоводства, печатного дела, сервировки еды и чайной церемонии, – эстетическое начало всегда сопутствует этическому, являясь его чувственным выражением. Исследователь подчёркивает, что японской эстетике не свойственно противопоставление Природы и Культуры, характерное для западной системы ценностей: искусственное здесь является очеловеченной формой природного, любой эстетический акт предстаёт своеобразной формой коммуникации – с жизненной средой и окружающими людьми⁹. Этический минимализм, возникший на американской почве, разделяет тенденцию японской культуры основывать

⁷ Онопере К. Без суеты: Как перестать спешить и начать жить. М., 2017. 260 с.

⁸ Babauta L. The Power of Less: The Fine Art of Limiting Yourself to the Essential... in Business and in Life. New York, 2009. 192 p.

⁹ Saito Y. The Moral Dimension of Japanese Aesthetics // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. Vol. 65, No. 1, 2007. P. 88.

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN | Мария Николаевна ПРОРОКОВА / Maria PROROKOVA
 | Минимализм и Барокко. Стратегии перекодирования сетевых субкультур / Minimalism and Baroque. Recoding Strategies of Network Subcultures |

стратегии совершенствования на эстетических принципах оптимизации и гармонизации, уравнивания и упорядочивания – посредством специальных коммуникативных практик.

Особенно заметна связь с японской эстетикой повседневности в творчестве Лео Бабауты — одного из виднейших представителей движения минималистов. Будучи постоянным посетителем дзен-буддистского центра Тассакхара, расположенного в окрестностях Сан-Франциско и представляющего собой официальное представительство дзен-буддистской школы Сото-сю на территории США¹⁰, Бабаута испытал сильнейшее влияние дзен-буддизма, позаимствовав его эстетический и этический ригоризм, императив сдержанности и проповедь осознанной жизни. В минимализме Бабауты можно наблюдать адаптацию дзен-буддистских религиозных практик к повседневной жизни среднестатистического американца через нивелирование, собственно, религиозной и акцентирование сугубо практической составляющей.

«Zen Habits» Лео Бабауты

Этический минимализм – это, прежде всего, сетевая субкультура. Основной формой репрезентации этого течения выступают персональные сайты участников движения, странички блогов и аккаунты в социальных сетях. Специфика минимализма как эстетико-этической позиции проявляется уже в характере визуального представления соответствующих сетевых ресурсов.

¹⁰ Principles & Governance // San Francisco Zen Center. URL: www.sfzc.org/about-zen-center/principles-governance/lineage

Возьмем в качестве примера блог Лео Бабауты «Zen Habits» (zenhabits.net). Сам дизайн интерфейса «Zen Habits» призван способствовать сосредоточению внимания пользователя, снижению уровня коммуникативной избыточности, характерной для большинства современных информационных ресурсов. Сведя содержимое своего блога к простому тексту на белом фоне, максимально оптимизировав систему навигации, полностью исключив визуальные помехи, вроде красочных картинок, баннеров и рекламы, – Лео Бабаута превратил интерфейс своего сетевого ресурса в манифестацию основных ценностей минимализма: ясности, простоты и осознанности. Основной этический императив, который последовательно, от поста к посту, проводится в блоге Лео Бабауты, сводится к требованию ответственного, осознанного существования, предполагающего сознательное сопротивление избытку информации, высокой плотности событий и избыточной коммуникативной активности. Впрочем, как следует из содержимого блога, этика минимализма не сводится к простому противопоставлению суетливого существования среднестатистического горожанина некой идеальной размеренной жизни, присущей деревенским жителям или обитателям монастырей. Блог Бабауты — это набор практических решений, позволяющих современному жителю мегаполиса оптимизировать собственное жизненное пространство, создать в нем обширные лакуны для вдумчивых размышлений, творческой активности, живого общения, наслаждения простыми вещами – всего того, что лишен среднестатистический горожанин, живущий под постоянным прессингом социальных обязательств, с одной стороны, и соб-

ственных невротических реакций на них – с другой.

Блог Лео Бабауты представляет собой подборку сценариев жизненной оптимизации, основанных на активном целеполагании в противовес пассивному реагированию на различные влияния и требования социального окружения, свойственному доминирующей культуре потребления. Сочетание выверенной этической позиции, современного формата представления, доступной манеры изложения, и отсутствия сложной терминологии, делает блог Лео Бабауты одним из наиболее популярных ресурсов в американском сегменте Сети¹¹.

Помимо этической составляющей минимализма, вызывающей ассоциации с классическими дискурсами «опрощения» (античные киники, христианское монашество, учение Л. Н. Толстого), особого внимания заслуживают его гносеологические основы, восходящие к дзен-буддистским духовным практикам осознанного существования. Как уже было сказано, минимализм Лео Бабауты во многом сложился под влиянием дзен-буддизма школы Сото-сю. Характерной особенностью Сото-сю, отличающей эту школу от других направлений дзен-буддизма, является особая техника сидячей медитации – дзадзэн. В ходе дзадзэн практикующий фокусирует внимание на собственных телесных ощущениях: положении тела, ритме дыхания, воздействию окружающей среды и пр. Задача дзадзэн – полностью элиминировать мысленное и образное производство,

сосредоточить внимание на текущем моменте, получить опыт чистого сознания собственного тела – в виде дыхания, сердцебиения, тактильных ощущений, восприятия собственной позы и мимики¹². Бабаута адаптирует эту медитативную технику к обыденным практикам, минимизируя религиозную составляющую и оставляя только требование чуткого восприятия текущего момента, примененное к конкретным чувственным проявлениям собственного тела, реагирующего на самое себя и на изменения окружающей среды. Фокусировка внимания, будучи традиционным способом оптимизации ментальной активности в восточных духовных практиках, помогает не только выстроить иерархию приоритетов в череде событий, но и играет роль своеобразного «растяжителя» временного потока, позволяющего существенно замедлить ход событий и перейти от привычного для современного человека «клипового сознания» в режим сплошного, целостного восприятия и мышления. Сознательное сужение входящих информационных потоков, длительное сосредоточение на собственных телесных ощущениях и замедление времени (проявляющееся в значительном замедлении ритма дыхания при увеличении его глубины) позволяют значительно повысить детализацию воспринимаемого и достичь характерного для многих религиозных практик переживания «мгновения-вечности». Это предельное замедление и сопутствующая концентрация информационных потоков составляют важную особенность минималистической стратегии культурного перекодирования. В ходе минималистической оптимизации пере-

¹¹ Sculte B. From overweight and unhappy to awesome Internet guru // The Washington Post. URL: www.washingtonpost.com/news/inspired-life/wp/2015/03/31/from-fat-and-lazy-to-awesome-internet-guru-heres-how-leo-batauta-did-it/?utm_term=.b403d16abdde

¹² Suzuki S. Zen mind, beginner's mind. New York: Weatherhill, 1995. P. 29–30.

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN | Мария Николаевна ПРОРОКОВА / Maria PROROKOVA
 | Минимализм и Барокко. Стратегии перекодирования сетевых субкультур / Minimalism and Baroque. Recoding Strategies of Network Subcultures |

кодируется сам характер отношений человеческого тела с культурным окружением: традиционное для западной культуры противопоставление тела и сознания сменяется концепцией сознательного существования в комплексе телесных практик, человеческое тело не противопоставляется окружающей среде, а рассматривается как точка пересечения разнородных процессов – физических, биологических, психических, интеллектуальных.

Проект «The Minimalists»

Альтернативный подход к минимализму демонстрируют Джошуа Миллбурн (Joshua Millburn) и Райан Никодемус (Ryan Nicodemus), авторы блога «The Minimalists» (www.theminimalists.com). В их случае минимализм выступает особой жизненной стратегией, выработанной в момент экзистенциального кризиса. Хроника этого кризиса представляет собой своего рода «точку входа» в проект минималистов – эту историю Миллбурн и Никодемус воспроизводят на каждой крупной презентации своего сетевого проекта¹³. Примечательно структурное сходство этой истории преодоления с классическими нарративами разоблачения, вроде истории Будды Гаутамы, открывшего иллюзорную природу Сансары, и платоновского «мифа о пещере», утверждающего параллельное сосуществование «истинного» и «иллюзорного» миров. Впрочем, история друзей-минималистов мало походит на дискурс божественного откровения, если не принимать во внимание компонент энтузиазма, характерный для представителей американских протестантских сект. Этой версии мини-

мализма гораздо ближе по духу протестный дискурс американской контркультуры 60-х, использовавшей нонконформизм в качестве противоядия против технократической дегуманизации и отчуждённого товарного фетишизма. Некоторые аллюзии на контркультуру 60-х можно найти и в стилистике сайта «The Minimalists»: помимо эксплуатации «хипстерской» эстетики, авторы сайта активно экспериментируют с малой литературной формой, восходящей к американскому авангарду 50-х и 60-х гг. (Дж. Керуак, К. Кизи, Р. Бротингам). Минималистская система ценностей излагается авторами в формате небольших эссе на избранные темы, для которых характерна претензия на литературность и художественный стиль, заимствованный у представителей «потерянного поколения»¹⁴.

Нонконформистские мотивы проекта «The Minimalists» фундирует тот же минималистский призыв к оптимизации, что и у Бабауты, захватывающий все области человеческого бытования – от организации жизненного пространства до освоения более «естественных» коммуникативных привычек. Особый упор Миллбурн и Никодемус делают на личное общение: хотя основным источником минималистского дискурса является уже упомянутый блог «The Minimalists», его авторы отдают предпочтение формату выездных семинаров, на которых они имеют возможность непосредственно общаться со своими единомышленниками, делиться продуктами литературного творчества, устраивать музыкальные сессии. Одна из ключевых задач минимализма, как ее понимают Миллбурн и Никодемус, заключается в восстановлении традиционных

¹³ A rich life with less stuff. The Minimalists. TEDxWhitefish 2014.

URL: <https://youtu.be/GgBpyNsS-jU>

¹⁴ См. эссе «Live Like Stan» – URL: <https://www.theminimalists.com/stan/>

человекообразных форм коммуникации, отошедших на второй план в эпоху социальных сетей и сервисов электронных сообщений. Реализация этой задачи предполагает построение своеобразной иерархии коммуникативных средств, в которой новым медиа отводится сугубо вспомогательная роль. Подобный «сниженный» статус цифровых медиа предполагает программу по радикальной оптимизации сетевой активности, сведение ее к необходимому минимуму. Минималисты делают особый упор на служебном характере технологий и призывают вносить больше осмысленности в процесс повседневной коммуникации:

«Только от нас зависит то, как использовать наш повседневный инструментарий, наши технологии. Наши инструменты — это всего лишь инструменты, и мы должны время от времени задаваться вопросом о том, как правильно их использовать. Превратиться в нового Луддита — значит исключить для себя целый мир возможностей, более совершенный мир, обогащенный новым технологическим инструментарием. Используя технологии ответственно и осмысленно, мы можем изменить наш мир к лучшему, в противном случае они могут стать источником больших неприятностей»¹⁵.

Таким образом, движение минималистов не является консервативной реакцией на возрастающую роль новых медиа и прогрессирующую технизацию повседневной жизни. Скорее это средство балансировки интенсивно разрастающейся техносферы и не успевающей за этим бурным ростом антропосферы, попытка скорректировать машинный аутопоэзис с

учетом сугубо человеческих потребностей — потребности в творчестве, свободе и полноценном межличностном общении.

Барокко

«Барокко» — состояние, в котором французский социолог и философ Мишель Маффесоли находит объяснительный потенциал для процессов и моделей — социальных, познавательных, экономических — разворачивающихся в постиндустриальном обществе¹⁶.

В отрыве от всего корпуса понятий и концепций, применяемых этим исследователем для анализа (пост)современности, данный термин может показаться чересчур экзотичным, однако стоит сказать, что под «барочностью» в указанном нами поле исследования понимается не конкретный стиль в эстетике, а скорее набор практик и способов отношения человека к окружающей его действительности и своему месту в ней. В первую очередь речь здесь идет о стратегиях усвоения и распространения информации.

В этой связи важно выделить черты, присущие этому пониманию «барочной парадигмы»: тенденцию к расширению и избыточности, гибридизацию ролей и идентичностей, игровые практики соучастия, сетевой нондизм, эксплозию в отношении старых социальных нормативов.

Практики, связанные с игрой, переоблачением, сменой ролей и масок, которые традиционно осуществлялись в определенные периоды года и имели по большей части регулятивный характер для жизни сообщества, сейчас рассеяны по социальному времени и про-

¹⁵ Millburn J., Nicodemus R. A Minimalist Approach to Technology.

URL: <https://www.theminimalists.com/technology/>

¹⁶ Maffesoli, M. L'Ombre de Dionysos. Paris: Le Livre de Poche, 1991. 243 p.

Андрей Викторович ГАСИЛИН / Andrey GASILIN | Мария Николаевна ПРОПОКОВА / Maria PROROKOVA
 | Минимализм и Барокко. Стратегии перекодирования сетевых субкультур / Minimalism and Baroque. Recoding Strategies of Network Subcultures |

низывают все сферы человеческой жизни. Этот принцип организации сообщества, – неутраивалистский¹⁷ по своей сути, – подразумевает коммуникацию вне прагматических целей, а также большую толерантность, сочувствие, высокую эмоциональную связь, и, что, возможно, самое важное – общую игровую практику, созидающую некий свод правил, принимаемых всеми участниками сообщества, но не навязываемый им. Способы мыслить себя и свои социальные связи, веками фиксировавшиеся европейской мыслью, перестают быть релевантными, когда речь заходит о реалиях сегодняшнего дня.

Примером тому служат различные микросообщества, образующиеся, растущие и развивающиеся как в виртуальной реальности, так и в мире оффлайн. Подобного рода субкультуры, объединения – в том числе и экономические – сформированы не по телеологическому принципу прежней западной культуры, не по принципу следования некой общей цели, а по более гибким и подвижным принципам.

Ярким примером подобного типа объединения можно назвать сообщества, занимающиеся исторической реконструкцией: существуя внутри собственной эпохи, представители этих сообществ могут совмещать адекватную своему времени деятельность (существование в качестве представителя той или иной профессии, в качестве соседа, налогоплательщика, etc.) с попыткой вжиться в роль людей предыдущих эпох и воссоздать их практики повседневности, элементы материальной культуры. Приведем в качестве примера один из реконструкторских клубов, организованный

¹⁷ Маффесоли М. Каждому своя триба: от контракта к пакту // Посредник. Массмедиа, общество и культура. М., 2016. 289 с.

интересующимися историей Древнего Рима: <http://www.legio-x.ru>. В качестве другого примера уместно упомянуть культуру рейва – популярную в 90-е годы и переживающую ностальгический всплеск сейчас – можно сказать, что это практика объединения, возникающая на эмпатических основаниях общей эмоциональной привязанности и общих эстетических предпочтений, и подразумевающая определенные паттерны и нормы в поведении (образ жизни, распорядок дня, сленг, манеру одеваться), но не репрессивно, а в игровой форме. Весьма показательна реплика одного из участников московского музыкального фестиваля «Большая» американскому журналу Dazed: *«Это музыка, которая непрерывно звучит в течение 8 часов. Мы относимся к себе с иронией, и в то же время искренне. Нам не нравится лицемерие ни в музыке, ни в жизни. Нам не нужен отдых. Ты можешь бы рок-скитальцем, поп-интеллектуалом или подпольным рэпером – и все это нам нравится.»*¹⁸

Объединяющим принципом в рейв-культуре является музыка – вводящая в транс, музыка, которую слушают, под которую двигаются, и которая задает эстетическую тональность сообщества. Сопоставляя два приведенных примера, или же обращаясь к другим проявлениям «новой городской солидарности», важно отметить, что одни сообщества существуют параллельно с другими: индивид вполне может облачиться в костюм офисного работника утром, перевоплотиться в рейвера вечером, оставаясь и в том, и в другом случае

¹⁸ Fedorova A. Photos capturing the ecstasy of being a young Russian raver // Dazed. 2017. URL: <http://www.dazeddigital.com/art-photography/article/37586/1/sasha-mademuaselle-photos-capture-the-ecstasy-of-teen-russian-ravers>.

собой. Стоит ли упоминать здесь многочисленные возможности перевоплощения и саморепрезентации, предоставляемые социальными медиа?

Игра, а не производство

Отчасти «барочность» эпохи означает доступность цитирования, возможность свободно оперировать различными эстетическими парадигмами. Человек телеологической культуры вписан в довольно жесткую иерархическую структуру, следуя идеалам и мотивам, навязанным ему обществом, он стремится к бесконечной «доработке» себя, к формированию собственной целостности, к служению идеалам, он вписан в ригидную систему по большей части репрессивных практик. Можно сказать, что он находится в бесконечном состоянии производства – в том числе собственного проекта, оттесняя на периферию эмоциональную и чувственную сферы, равно как и культуру повседневности, как области опыта малозначительные, а подчас и препятствующие реализации проекта, в котором он – субъект – якобы должен свершить некоторый поступок, сделать вклад для будущих поколений. Человек же культуры барочной отрицает не только ценность формирования собственного проекта, он в принципе подвергает критике само понятие телеологичности культуры. Индивид, чья идентичность приобретает своеобразную «эластичность», находится в игровой реальности, в ситуации непрерывной смены ролей, культурного обмена, цитирования, блуждания по сети гиперссылок – и, что важно, – в моменте «сейчас». Барочность мало доверяет «будущему» – и в этом отношении ее можно назвать футуропессимистичной систе-

мой, – в противоположность устремленной вперед по «времени-стреле» культуре модерна.

Рекурсивные стратегии расширения

Наряду с другими признаками (пост)современной эпохи – подразумевая, в первую очередь, принцип распространения информации в социальных медиа – Маффесоли выделяет так называемый «фрактальный» способ сообщения¹⁹. Этот способ подразумевает движение паттерна поведения с дальнейшей его фрагментацией, интеграцией с другими паттернами и с созданием мозаичной картины, которая вбирает в себя различные фрагменты культурных событий, произведения искусства, коммуникативные практики и стили. По этому принципу устроено общение в социальных сетях, обмен информацией, распространение новостей в СМИ. В работе «Теории софт-культуры» американский исследователь Лев Манович выделяет подобную структуру в числе принципиальных особенностей новых медиа:

«Эти элементы собраны в более масштабные объекты, но продолжают быть самостоятельными. Наконец, сами эти объекты могут быть объединены в еще более крупные, опять же не теряя своей самостоятельности»²⁰.

Маффесоли утверждает, что, проведя параллель между общественными и биологическими принципами организации, мы убедимся в том, что фрактальный тип организации и передачи информации естественен для общества, – современное искусство обладало

¹⁹ Маффесоли М. Каждому своя триба: от контракта к пакту // Посредник. Массмедиа, общество и культура. М., 2016. 289 с.

²⁰ Манович Л. Теории софт-культуры. Н. Новгород, 2017. С. 23.

важными интуициями в этом отношении задолго до появления социальных сетей, начав экспериментировать с темами мозаичности и фрагментарности; с сорасположением частей и целого и трансформируя традиционные представления о внутреннем устройстве произведения. Рефлексия над соотношением целого и частей, интерес к перекодированию нормы в пространстве спектакля, безусловно, связаны с постепенным смещением властного дискурса телеологической парадигмы в отношении норм социальной коммуникации. Приведем в пример подходы хореографов Пины Бауш (<http://www.pina-bausch.de>) и Мерса Каннингема (<https://www.mercecunningham.org>), Тело в постановках Бауш и Каннингема выступало самостоятельной единицей, входя в резонанс с другими телами и разбивая классическую модель спектакля (Cunningham). Сходную картину мы встречаем в барочной – в классическом понимании этого термина – архитектуре: целое создается из совокупности перекликающихся между собой элементов, каждый из которых можно рассматривать в отдельности, между тем, не теряя из виду панораму произведения – причудливую, сложносочиненную и витиеватую.

Барочная стратегия противостоит традиционной культуре модерна, и она естественным образом пронизывает массовую культуру, где, далеко не всегда будучи осознаваемой, взаимодействует с привычными стратегиями поведения. Барочность захватывает все больше сфер опыта, конструктов и паттернов в собственную игру, преображая наше видение мира и собственной роли в нем – через расширение и рассеивание классического картезианского субъекта. При видимой инфантильности, флексивности барочная стратегия, пожалуй,

может быть охарактеризована как экспансивная – поскольку она постоянно захватывает в себя все новые фрагменты мейнстрима, перерабатывая его и включая в циклы собственного «фрактального» движения. В этом состоит ее принципиальное отличие от стратегии минимализма: если первая стремится к средоцентричности и концентрации, то вторая – продолжая быть, по своей сути, антропоориентированной стратегией, – к распаду на составляющие.

Но вместе с тем между двумя этими моделями перекодирования существует одно фундаментальное сходство – противостояние мейнстриму, ведение диалога и медиация с ним в череде взаимопроникновений, смещений и реплик.

«Обход» клишированных, репрессивных, техноцентричных практик коммуникации, характерных для доминирующей культуры, осуществляется двумя представленными стратегиями по-разному: если минимализм продуцирует многообразие благодаря высокому уровню осознанности и фильтрации, то барокко продуцирует многообразие через экстатические практики «потери сознания» в потоке колоссальных объемов информации. Вместе же они представляют собой разные режимы культурного перекодирования, само наличие которого является характерной чертой современной культуры и не может быть оставлено без внимания медиатеорией.

Заметим, что описанная тенденция к оптимизации информационных потоков и жизненной активности не является исключительной прерогативой минимализма, являясь общим местом современной западной культу-

ры. Для информационного общества характерен стабильный рост спроса на различные средства оптимизации, программы личностного роста, системы эффективного тайм-менеджмента, технические средства автоматизации рутинных процессов. Растущая востребованность подобного инструментария, на наш взгляд, напрямую связана с лавинообразным увеличением объема, сложности и скорости обработки информации, сопутствующим эволюции цифровых медиа. При этом потребность в подобных средствах оптимизации тем выше, чем выше доля наукоемких и высокотехнологичных производств в общей экономике той или иной страны или региона. Этим, в частности, объясняется высокая популярность этического минимализма на территории Соединенных Штатов.

На примере минимализма можно увидеть, как при достижении очередного пика материального и символического обмена культура начинает вырабатывать собственные механизмы оптимизации, направленные на распределение нагрузки среди участников социальной системы и снижающие информационный и событийный «перегрев» культуры в целом. Между тем очевидно, что методы оптимизации не всегда сопряжены со стратегиями сжатия и фильтрации поступающих извне данных – и барочная стратегия, описанная нами, представляет собой противоположный метод: расширения, поглощения и непрерывного «соскальзывания».

Как уже было сказано, мы склонны рассматривать барокко и минимализм в качестве средств культурного перекодирования, характеризующегося преобладанием этического и эстетического аспектов над техническим. В этом, на наш взгляд, заключается основное отличие традиционных стратегий оптимизации, нацеленных на создание чисто технических средств и повышение «вычислительных мощностей» и «пропускной способности» агентов культуры (линия Маклюэна), от рассмотренных субкультурных стратегий, нацеленных на восстановление нарушенного баланса и рассматривающих человека как разумное творческое начало, существующее на границе природного и технического и призванное служить посредником-балансиром между двумя этими областями. Как в минималистской, так и в барочной стратегиях культурного перекодирования мы наблюдаем замещение традиционной этики труда, сложившейся в русле протестантского мировоззрения, новыми этиками соучастия и вовлеченности – в случае минимализма восточной этикой «естественности» и «равновесия», в которой сам человек воспринимается не в качестве активного агента сферы божественного, наделенного неограниченными полномочиями по преобразованию противостоящего ему мира Природы, а в качестве своеобразной границы между различными компонентами физического, символического и духовного пространств; в случае барочности – пафосом утопии «свободного» обмена данными и культурными кодами.

